

ВЫ ПРИШЛИ УМЕРЕТЬ

БАЙТАЛ ДЖИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джи Байтал

Вы пришли умереть

<https://litres.ru/73939169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первый том трилогии, разворачивающейся как в наше время, так и в загадочном вневременьи. В истории нет злодеев, равно как и нет праведников. Нет главного героя: все герои отчасти главные. Хитросплетение судеб самых разных, на первый взгляд, ни чем не связанных друг с другом, людей закручивается в тугой клубок, который подвластно распутать только богу, но он... не хочет.

Эта психологическая драма — лабиринт с тысячей зеркал, в которых каждый сможет рассмотреть своё отражение. Комедия в истории тоже присутствует: надежда на высший смысл бытия, право свободной воли, судьба и предначертание: всё это разбивается о скалы высшей шутки природы: человек пришёл на свет не жить, а умирать. Куда приводит путь от колыбели до могилы? Мир, который мы знаем, реален или это лишь тусклый огонёк предсмертной агонии, растянувшейся вне времени и пространства где-то на горизонте событий чёрной дыры? Мы — нелепый эксперимент или бесценные творения высшей силы?

Содержание

Глава 1 Путь домой начинается с выжженной земли	4
***	17
Глава 2: Утри слёзы, дочь самурая	22
Глава 3: На стыке сновидений	47
***	52
Глава 4: В посмертии все средства хороши	61
***	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вы пришли умереть

Глава 1 Путь домой начинается с выжженной земли

«“Когда Господь хочет испытать нас на прочность...”. А хочет ли нас постоянно испытывать Бог? Если да, то зачем? Ради чего? Если мы — дети господни, разве не логично, что он нас бережёт? Старается провести за руку мимо бед и испытаний, которые мы устраиваем сами себе в попытках обрести смысл жизни, что так далёк от философских предположений?

А если мы — лишь муравьи в банке, что стоят на полке где-то в дальнем кабинете небесной канцелярии. Вот мы спокойно почиваем на краю ангельского стола или и вовсе падаем в вечности, всё никак не достигнув бетонного, или какой он там у них, пола, чтобы, наконец, разлететься на сотни тысяч осколков, исколоть маленькие муравьиные лапки и утонуть в реках собственной крови под короткий вздох ангела. И последними словами, под которые вымрет человечество, станут: “Ну вот, новых теперь создавать”».

Свет в комнате погас, и я оказалась будто бы на сцене театра, где луч прожектора направлен только на те-

бя. Голубые глаза, столь светлые и чистые, сосредоточены, будто бы пытаются не упустить ни малейшей детали, увидеть даже крошечную ворсинку на моём платье. Спина заболела от непривычного слишком ровного положения, и я попыталась немного ссутулиться, но почувствовала, как электрический разряд заставил меня снова выровняться: стоило тебе прикоснуться лишь кончиками пальцев, и моё тело просто перестало слушаться.

Нет главнее человека, кажется, что весь мир, заставив дыхание, ждёт твоего пробуждения и начинает день с тобой. Снова смотришь на меня, и фантазия рисует образы тепла и покоя, растекающиеся внутри, но в животе почему-то так сильно трепещут бабочки, что впору согнуться, упасть на землю, обняв колени руками, но тело не слушается. Оно мне не принадлежит.

Ты красивый. Мне так кажется. Не могу сфокусироваться и увидеть лицо, что инстинктивно считаю самым добрым на свете. Говоришь, но не могу разобрать слова. Кажется, уголки губ потянулись вверх: я сделала что-то хорошее? Ты мной доволен? Шепчешь, но я не слышу. Кровь стучит в висках, руки и губы немеют, но ты лишь улыбаешься. Наверное.

Вижу себя со стороны: собираюсь куда-то, а ты стоишь в тёмном углу. Наблюдаешь. Мне тебя не видно, зато ты всегда держишь меня на мушке. Вот я уже еду куда-то, переднее сидение такое скользкое и неудобное, хочется на ходу

открыть двери и выпрыгнуть. Ты строго сзади меня и сверлишь взглядом подголовник. Хочешь натянуть мои невидимые нити, чтобы я не сбежала? Куда же я от тебя сбегу, любимый? Любимый? Чей? Мой? Не помню...

Хочу, чтобы ты мной гордился. Сделаю всё, что могу и что невозможно, лишь бы улыбнулся, никогда не отпускал мою руку и держал меня так крепко, как можешь. Прикоснуться бы самой кончиками пальцев к тебе... к солёной от слёз щеке. Притулиться тихонечко рядышком, не смея поднять полный вины взгляд. Я бы отдала всё, что у меня есть, тебе. Посмотри на меня. Пожалуйста. Скажи мне хоть пару слов.

Стоп. Где ты? Куда подевался? Затылок болит, руки и ноги обмякли. Струйки крови медленно заливают пол. Он же был чёрным... Почему теперь алый? Ты вырвал все нити разом и ушёл, потому что я наскучила тебе? Обещал любить до смерти, но не уточнил, до чьей? Жалкий трус! Ублюдок! Я найду тебя и придушу голыми руками!

Очередное утро смешалось в бодрящий поток мыслей, от которого накрыло тревогой, едва ли я продрала глаза. Дважды проверила пульс: классически на запястье и положив указательный и средний палец на яремную ямку. Почему-то мне всё время кажется, что даже собственное сердце хочет меня запутать и обмануть. Ещё раз зажала большим пальцем венку на запястье.

— Где-то 70 ударов в минуту, плюс-минус 10, — сонно

пробубнила я.

То, насколько медленно я вытягиваю ноги из-под одеяла и одновременно беспечно зеваю, привело к судороге, да такой, что выбросило из кровати меня быстро и пульс стал интересовать уже в самую последнюю очередь. Пару прыжков на «здоровой» ноге и, едва удерживая равновесие, поплелась на кухню. Утро дождливое и угрюмое, контрастирующее со сном, где мне было так хорошо. Хорошо? Серьёзно? Бр-р-р. Видимо ещё не проснулась. В комнате пахнет терпким чаем с корицей и хлебом. Я взяла любимую до жути уродливую кружку и покрутила на свет. Показалось, будто старая трещина на ней разрослась. Даже если и так, она останется заложницей в моей обители. Прямо как я.

Уже пятнадцать лет меня преследует один и тот же сон. Чувствую себя каждый раз невероятно разбитой, словно никогда не удастся выбраться, исправить главную ошибку в моей жизни. И ведь действительно. Я уже свылась, что это навсегда, бесповоротно и от меня не зависит. Может, и хорошо.

Мнимая вина за исчезновение таинственного кукловода и боль, как топливо, питает меня всю жизнь, не даёт совершать опрометчивые поступки. Она сделала меня до тошноты осторожной и мнительной, может, и не самым добрым человеком на свете, но стремящимся к доброте. Кажется, что скажи я грубое слово или в сердцах накричи на кого-то — тотчас из меня вытащат невидимые нити и оставят истекать кровью.

Парадоксальное, разрывающее изнутри чувство никчёмности так нежно и горько царапает душу. Никогда не замолить, не исправить, не выплакать, и прощена я не буду. Неважно, понимаю ли я, в чём виновата или нет. Будто бы мой удел, основная цель — быть кроткой тенью себя самой, наблюдать за жизнью издалека.

Может этот сон — и есть ворота в ту версию жизни. Лишь так я получаю шанс на секунду, буквально несколько минут в этом тягучем небытии почувствовать и испытать то, что я никогда не чувствовала. Иногда кажется, что я инстинктивно тянусь к какому-то чувству, которого ещё не нашли учёные. Его нет на этой планете, а я упорно ищу. Хотя оно мне точно не будет подвластно, пока я знать не знаю человека из сна, чьи воспоминания проживаю, с кем делю это забвение, реален ли он. Эта не моя вина и травма. Не моя, но боль испытываю я. Это не мой грех, но расплачиваюсь я.

Самое долгое горе, тьма, глубокая до оцепенения, при этом редчайший драгоценный камень, та светлая грусть, от которой и тепло, и больно. В моём лишённом событий и эмоций бытие, это единственное, что напоминает о том, как же ценна жизнь и благостно быть человеком. Чувствуя боль и разочарование от самой себя, я также чувствую отголоски того огромного счастья, что когда-то было «моим». Пусть прошлое мне и не принадлежит, я храню эти воспоминания, а значит, оно и моё тоже.

Я поставила тостер на стол и потёрла глаза. Опять понес-

ло. Иногда слишком сложно остановить поток мыслей в голове, особенно когда зацепился, как об гвоздь рубашкой: дёргаешься, ткань с хрустом рвётся, а ты ещё быстрее ёрзаешь в надежде выпутаться из этой дурацкой ловушки, в которую сам и попал. А вот в глаза не долбился бы, и рубашонка целая бы была, и нервы.

Такой поток мыслей не самый дурной и печальный. Вот помню, прошлой осенью проснулась и поняла, что я — недопечённый хлеб. Помню, как открыла блокнот и с видом мудреца-старца записала:

Я как недопечённый хлеб — снаружи, может, и выгляжу сносно, но внутри мягкая раскучуроченная жижица. Вот бы меня воспитали иначе. Не потеряла бы тогда ту лёгкость, с которой уходила оттуда, где мне плохо, где я чувствую себя лишней. У меня нет стержня, храбрости, нет чувства гордости. Только мягкая липкая хлебная жижица, намертво, как клей, прилипающая к людям, которым, как мне кажется, я чего-то должна.

Сейчас я растеряла последние крохи самооценности, став безликой, тенью капризного большого ребёнка, который только и делает, что канючит, кричит и жалуется. Тогда, много лет назад, я купалась в любви, сейчас — смотрю на жалкое отражение прошлого в зеркале и наблюдаю, как каждый день отдаляет меня от счастья, приводя к точке невозврата, ко дню, когда меня не станет.

Так что сегодня ещё позитивное начало дня. Хоть хлебом

себя не считаю, или там макаронным изделием. На этой прекрасной волне, закинув на тарелку кусок засохшего хлеба и ломоть сыра, грузно приземлилась на диван. *«Нет главнее человека бла-бла-бла, ага, шииш»*, — повторила я кусочек моголога из сна и криво улыбнулась.

Циклический сон о незнакомце стал частью меня, той, без которой уже сложно себя представить. Это всё — попытки моего разума отбалансировать собственную эмоциональную скупость или я просто конченная? Или я его знаю, но, как в мрачных детективах, мозг вытеснил травмирующие воспоминания?

Зуб предательски заныл после небрежного укуса недобутерброда. В календаре запланированные дела отсутствуют, а значит, можно лениво чесать себе бока, да тискать кошачью тушку. Ирония жизни состоит в том, что как только ты максимально расслабишься, само пространство начинает легонько подрагивать, а воздух вдруг покрывается тонкой корочкой льда, такой молодой и нежной, которая вот-вот треснет от случайного тяжёлого взгляда.

Голова гудит. Отголоски вчерашней истерики вперемежку с постоянным нервным кашлем взболтали мне извилины, как безупречный воздушный крем от искусного мишленовского повара. На плечо упала капля. Вторая. Третья. Я медленно подняла голову и поняла, что скучать мне не придётся. Угол потолка прилично так отсырел, чем подмочил мне и пол, и этот чудо-день.

Полный штиль вместо привычного потока мыслей привёл к гениальному решению — ведро, и проблема уже превратилась в неприятное обстоятельство. Мне бы забеспокоиться, почему новая крыша начала так неочевидно течь, но после головомойки единственное, что волнует — не позвонит ли он снова. Нужно вырубить телефон.

Из-за недавнего ливня дорогу к дому размыло, напрягаться и искать ремонтника просто нет смысла. Маленькие капли остро царапали дно металлического ведра, добавляя в мой быт нотку сводящей с ума монотонности. У меня даже настенных часов не было оттого, что не терплю повторяющийся монотонный звук, а тут это кап-кап-кап-кап.

Я подхватила остатки бутерброда и флегматично поплевалась доедать их на улицу. По какой-то причине мне показалось это хорошей идеей. Я вышла и сделала ровно десять шагов в сторону калитки и поняла, что ничего не вижу. Ни что впереди, сзади, что по бокам. Туман какой-то неестественно плотный и густой. Инстинктивно попятилась, и как будто бы уже больше десяти шагов сделано, а двери обратно нет.

По телу пошла колючая дрожь, я с силой ухватила за запястье и стала пытаться засечь пульс, но всё никак не могла его нащупать. Нерасторопно ткнула себя в яремную ямку, но только почувствовала боль и дискомфорт. Я понимаю, что сердце так колотится, что отдаёт пульсацией в уши, но не могла понять, насколько всё плохо. Челюсть свело, не разомкнуть.

С другой же стороны, эта информация мне всё равно никак не может помочь. Время перестало существовать. Веки тяжёлые и одновременно невесомые: я не могу ни сомкнуть их, ни широко раскрыть. Дымка, кажется, плывёт, окидывает меня и стягивает назад, прямо как волны, сделать даже шаг невозможно: от страха парализовало. От тумана почему-то жжёт ноздри и лёгкие, словно дышу одним сплошным табачным облаком. Или это жжёт в области сердца? Не понимаю. Дышу ли я? Умираю ли? Прибегаю к тяжёлой артиллерии:

«Господь — Пастырь мой; я ни в чём не буду нуждаться.

Он покоит меня на зелёных пастбищах и водит меня к тихим водам.

Он душу мою оживляет и ведёт меня по путям праведности ради имени Своего.

Пусть пойду долиной смертной тени, не устрахуюсь я зла, потому что Ты со мной;

Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня.

Ты приготовил мне пир на виду у моих врагов, умастил мне голову маслом, и чаша моя полна

Так, благо и милость да будут со мною все дни моей жизни, и пребуду я в доме Господнем многие дни»

Повторяю псалом в голове снова и снова, но ничего не меняется. Руки становятся тяжелее, я упорно пытаюсь себя ущипнуть, ткнуть, поцарапать, удостовериться, что всё это — сон, вымысел. Голова предательски кренится набок. К горлу подступила дурнота. Кажется, что вот заблевать себя

— единственное, чего мне не хватает для полного счастья.

Интересно, я могу сломать себе шею? Чисто теоретически достаточно неудачно упасть даже с небольшой высоты. Вроде бы где-то тут был садовый стол, и я могла бы на ощупь на него залезть и спикировать вниз, сложившись криветкой. Либо можно «занырнуть рыбкай» со всей дури. Хотя... Там высота где-то метр. Вероятность травмы слишком небольшая. Привычное жизнелюбие испарилось, да так быстро, что впопугу подвергнуть критике все мои представления о себе.

Мне всегда казалось, что я — человек, отчаянно цепляющийся за жизнь, проживающий её в благоговейном страхе. В реальности же у моего жизнелюбия всегда были нюансы. «Обожаю жизнь! Хочу прожить до старости, НО: тяжело не болея; не испытывая острые, хронические, мучительные боли; не будучи брошенным, одолеваемым страхами и психическими отклонениями; никогда не застревая в загадочном тумане-убийце и т. д.». Я не думаю о вызволении, своих родных или о любимых котах, даже о загадочном мужике из сна вдруг позабыла, я отступила сразу же, без единой попытки побороться.

Три классические реакции на стресс: бей, беги и замри. Какая же досталась мне? Та самая, благодаря которой у главных героев выживальческих романов или героических кинолент появляется люфт времени. Пока таких, как я, замерших от ужаса, распиливает надвое демонический клоун, главный герой бежит за оружием, говорит свои пылкие монологи,

пьёт чаёк на веранде, поправляет макияж — делает что угодно, ведь он получил дозу живительного адреналина, а не стоит, как идиот, и хлопает ресницами в ожидании смерти.

Пошатнулась и затылком почувствовала ледяное прикосновение металла.

— Дверь! Это дверь! — заорала я, забыв про иступляющую боль в челюсти, и резко обернулась, нащупала дверную ручку и буквально кубарем ввалилась в дом.

Звуки вернулись, равно как очертания предметов, вода с потолка продолжала капать на тряпку в ведре, а сердцебиение наконец постепенно замедлялось. Я положила правую руку на область сердца, левую на живот и стараюсь не просто дышать, а выдыхать страх. Этот способ я использовала с детства: представляла, будто я — шаманка или колдунья, иначе говоря — лекарша с волшебными руками, и если сосредоточусь, то смогу ими вытянуть всякую болячку.

Я концентрировалась на ладонях, пока не почувствовала нарастающее в них тепло. Затем представляла, как то, что у меня болит, превращается в чёрную, густую жижу, которую вытаскиваю «на свет». Одна рука лежала на болезненном месте, вторая упиралась в пол или кровать, выполняя роль «слива» чёрной жижи. Так я могла лежать часами, пока по чудесному совпадению боль не унималась.

Сейчас поступила также: представила, что мой страх материализовался в молочно-серую пену, которую заставила циклично циркулировать по телу. Перегоняя тревогу из од-

ного места в другое, я не давала ей шанса остаться где-то надолго и подарить чудесные ощущения онемения руки или жжения в области лопатки, что так легко перепутать с надвигающимся инфарктом.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я встала. Лопатки свело от слишком прямого положения. Медленно перевернулась на бок и опёрлась на локоть, чтобы приподняться. Болит всё: колени горят, грудину жжёт, ноздри сухие, в колючей запечённой крови, на боках и бёдрах виднеются следы от царапин и пятна от щипков разных размеров. Только сейчас, когда я обратила на них внимание, они предательски заныли.

Ноги трясутся, как после веломарафона, но я упорно иду на кухню, игнорируя раздражающее вибрирование от кончиков пальцев до копчика. Вытащила из раковины кружку с недопитым чаем и осушила в один глоток. Нужно посмотреть в окно и оценить степень проблемы. Затем набрать кого-нибудь и спросить, какая обстановка в городе. Сзади слышалось неуверенное шуршание ключом в замочной скважине, после пары попыток кто-то силой дёрнул дверную ручку и вошёл в дом.

— Гном, выползай из берлоги! Теона, ты если решила превратиться в отшельника-затворника, будь так любезна получить водительские права, чтобы ездить из своей глуши за продуктами. Ну либо чтобы поглазеть на друзей, даже таких чертовски сексуальных, роскошных и занятых, приду-

мывай более креативные предлоги.

В дверях застыл Корвин — двухметровая статуя греческого бога, а не человек. Старый друг, единственный, который знал обо мне больше, чем я сама. Он точно не был напуган, привычная ухмылка могла рассеять любые тучи, метафорические, конечно, не такой убийственный туман. Вальяжно вошёл, на ходу снимая кроссовки, и вместе с ним ворвался тёплый и свежий ветер, наполнявший комнату ароматом ранней осени. Видимо, мои вытаращенные глаза и поднятые брови немного его смутили: он робко сделал пару шагов навстречу мне и застыл в недоумении.

— Не заболела? Выглядишь прям плохо, — он бегло окинул взглядом синяки.

— Ты... Ты как приехал? Там... Я... Туман и... Не видно было и я..., — голос дрожит, челюсть всё ещё ноет, и каждый звук будто царапает в горло.

— Ты о чём? В окно давно смотрела? Ну или в прогноз погоды? — Корвин ритмично барабанит по столешнице, имитируя стук дождя. Ведро с тряпкой абсолютно сухие, как и потолок.

Я обернулась и зажмурилась. Ветер всколыхнул штору, и яркий луч солнца взял мои глаза на свою снайперскую мушку. Погода за окном была, мягко говоря, идеальной. Но тогда оставался один банальнейший вопрос: «Что это, мать его, было?».

В моём воображаемом коробке было 120 спичек. Именно столько лет я в идеале хотела бы прожить. Будь я ещё большей оптимисткой, в коробке было бы не меньше 300 спичек, но куда мне, я же не мифическое существо, а обычный человек, которого ночами душит страх смерти. Куда бы я ни пошла – он рядом, шлёпает в такт с сердцебиением, то ускоряется, то замедляется.

Нежно придерживает меня за локоть, когда я дрожу от панической атаки. Руки у меня на плечах, когда я смотрю на себя в зеркало и вижу, как годы летят, царапая лицо, оставляя борозды морищин.

Погружаюсь в мысли и смотрю в мою заветную коробочку. 30 сгоревших спичек. А есть что-то рядом? Может, деньги, статус, уважение родителей. Глубоко засовываю руку и вытаскиваю фантики от конфет, мангу, шикарный пиджак из секунда, но вот ни серьёзных достижений, ни самоуважения там не нахожу. Логично. Чтобы такое найти, нужно оное положить. А я забыла. Я вообще забываю всякие мелочи по типу любить себя, уважать, ценить, баловать, уходить оттуда, где плохо, мелочи же. Вот, например, что с меня посмеялся физрук в 7 классе – это важно, это нам нужно.

Как умирала бабушка, сгорев за несколько дней до сте-

пени, что не узнавала никого и кричала бессвязные звуки в больничной палате. Как я пришла с букетом к самому родному на свете человеку, а встретила маленькое иссохшее тело, которое уже могло только мычать.

Как гладила её по голове и говорила, что она выздоровеет и мы впервые в нашей общей жизни сходим в театр и то, как на мгновение взгляд вдруг стал живым и осмысленным, стал снова её взглядом. Как скатилась маленькая слезинка и больше разум её не возвращался, а на следующий день она умерла. Это нужно вспоминать ежедневно, хоть прошло уже много лет.

В моём воображаемом коробке имеют вес только спички, потому что разум до холодного липкого пота боится смерти. Смотрю на них, перебираю между пальцами, пытаюсь аккуратно почистить сгоревшие в надежде, что они снова станут новёхонькими и я вернусь в юность, но они рассыпаются и пачкают мне руки. Невзрачный помятый коробок.

Мысленно зажигаю одну из спичек. Вспышка. Сижку за столом и записываю мемуары мамы, понимая, что никогда их не опубликую, ведь это разрушит мою жизнь и навсегда отрежет от семьи отца. Знаю, что они помогли бы тысячам женщин, но кто я такая, чтобы очернить память той, что любила меня так сильно, как только может бабушка любить внучку? Как сказать во всеуслышание что-то дурное о её сыне?

Вспышка. «Ты там записываешь?». Пишу историю про

моего деду, которого видела один лишь раз. Силуэт мужчины протягивает мне шоколадную конфету. Он уходит, мама выбрасывает её в мусорное ведро. «Мы не знаем, сколько она у него лежала и где он ей взял». Кто был этот человек? Я никогда не узнаю. Спрашиваю о нём маму. Вспышка

— Ты опять уснула? Тео, карета прибыла, следующая станция — дом родной, — театрально-гнусаво протянул Корвин.

Говорят, что мозгу не нужно отдыхать и яркие сны его нисколько не утомляют. Зато они чудесно утомляют меня. Нехотя разлепила глаза и уставилась на стеклянное трёхэтажное здание. Потоки людей, как молодые устья реки, текут размеренно и чинно, словно единый, отлаженный до идеала, механизм. Здесь нет места случаю, злой рок над нами не властен, всё было, так как этого захотел небесный отец и будет по его же велению. Закатное солнце уже не слепит, но заставляет уворачиваться от солнечных зайчиков, растянувшихся в прыжке со «стекляшки» до окна машины.

— Точно уверена? Кто я такой, чтобы тебя отговаривать, но ты действительно считаешь это хорошей идеей, учитывая, что рассказала мне утром? Галюны — штука серьёзная. Ты бы лучше в домик с мягкими стенами сперва. Да и я с тобой. Будем друг другу из палаты в палату апельсины перекидывать.

— Куда уже деваться, Корвентинию. Если не знаешь, куда идти — возвращайся домой. Я либо разберусь в этом раз

и навсегда, либо окончательно свихнусь, чего ой как не хотелось бы. Если подсознание так упорно пытается мне что-то сказать, значит, нужно передать микрофон и внимательно послушать.

— Это понятно, но вот так собраться за пару часов, впихнуть мне на передержку Самсона и помчаться за тысячу километров без плана, предупреждения родных... Ты правда считаешь это мудрым и взвешенным решением?

— Нет.

Озираясь, будто бы вор-неумёха, я вышла из машины и глубоко вдохнула тёплый аромат автовокзала: смесь больших надежд, солёных слёз прощания и неловких мужских рукопожатий. Водрузила на плечо рюкзак и подошла к Корвину. Он опёрся об капот машины, трясущимися пальцами подкурил неплотную табачную самокрутку. Я ударила его лбом в плечо и встала на цыпочки, чтобы приобнять эту добрую и тревожную скалу.

— Прорвёмся.

— Да я и не сомневаюсь. Ты хоть звони иногда. И если вдруг пропадёшь без вести, я Самсу твою отправлю работать на картель. Так что в твоих интересах вернуться.

Мы крепко обнялись. Если быть честной, я не уверена, что вернусь, равно как не уверена, что сейчас вообще куда-то еду. Если это всё — один большой и насыщенный сон, надеюсь, я не забуду его после пробуждения, так как, как мне кажется, он станет последним. Либо в жизни, либо в голо-

воломке этого повторяющегося цикла, где кукловод, тот, от которого мозг медленно плавится, ждёт меня, притаившись в самом тёмном, чёрном, липком уголке подсознания.

Глава 2: Утри слёзы, дочь самурая

Мне так хорошо. Так блаженно тихо и мирно. Словно под крылом у ангела, будто с ледяные крупные капли проливного весеннего дождя смыли все грехи: цвета выкручены на максимум, насыщенные так, что хочется зажмуриться, от предметов исходит лёгкое мягкое свечение, словно они усыпаны волшебной пылью. А запах... Что за чарующий аромат любви и защиты. Знаю, это сон, но можно я никогда отсюда не выберусь? Это же её квартира, её запах. И сейчас же войдёт она? Правда ведь войдёт? Пожалуйста, пусть она войдёт в комнату, умоляю...

— Дочка, пойдёшь со мной?

— Куда?

— Просто пойдёшь со мной? Вот сейчас?

— Я не знаю. А куда мы пойдём?

— Ничего страшного. Пойдём позже. Пока, — она озирается, будто загнанный зверь. Взгляд скользит по комнате, не задерживаясь на мне. Она ищет его. Ищет отца. Вдруг он притаился в шкафу или за дверью. Вижу, как она съёживается, теревит край блестящей кожаной куртки. Мама на пару секунд задерживается на моём лице, разворачивается и уходит.

Жаль, что это небабушка. Это значит, что яне в раю, а

в аду. Снова в аду. Я ничего не понимаю: смотрю себе телек у бабушки в кресле. Мне снова 10. Знаю, что родители поругались, но какое мне дело до взрослых прений. Почему я опять здесь? Я что-то забыла? Это была непростая ссора?

Помню, какой удар получила мама: она понимала, что дочь ей не отдадут, но и к папе возвращаться не хотела. Когда ушла, как она рассказывала, пила и пила, пока ей не стало окончательно плохо, и она не впала в такую истерию, что готова была лезть в петлю. Как и почему не помню, но папа приехал за ней к её подруге и на руках унёс домой.

Спустя несколько дней после этого мама вернётся сюда. В мою крепость. В дом бабушки и заберёт меня. По дороге к автобусной остановке мы будем говорить о всяких мелочах, и лишь когда сядем в автобус, она вдруг понизит голос и серьёзно посмотрит на меня, сегодня она запретит мне быть ребёнком:

— Ты должна знать, что я вернулась только ради тебя. Тебе никогда не следует об этом забывать. Если бы не ты, я бы не вернулась. Когда-то, когда подрастёшь, ты сможешь сделать выбор и, я надеюсь, тогда мы уйдём вместе.

Где я? Это уже не бабушкина квартира. Смотрю под ноги и вижу знакомые деревянные половицы. Я точно знаю, какая из них скрипит и как она скрипит, когда кто-то из родителей наступает на неё не в настроении. Лицо горит, искусанные изнутри щёки саднят. Поднимаю глаза и вижу хлипкую дверь, которую закрывает папа. Он в такой яр-

сти, что логичнее забиться где-то в доме и не высовываться никогда. Я так хочу вернуться в комнату, где бабушка, но знаю, что это другое воспоминание. Это день, когда я и ему разобью сердце.

— Папа, открой дверь.

Внутри похолодело, пот мерзкими струйками стекает по спине. Обычно янтарные с золотишкой глаза стали смоляно-чёрными. Он не простит? В нём есть сочувствие ко мне сейчас или боль легла пеленой и жалко ему только себя? В его взгляде читаю смесь горечи и стыда оттого, что ты чувствуешь эту самую горечь, словно её чувствовать неправильно. Это предательство.

Он открыл дверь, но оставил руку, как преграду, через которую нужно было пролезть. Нужно было буквально переступить через своего отца, перелезть через него, предать его и унижить. Я вышла. Мама силой отдёргнула меня, и мы выбежали из двора. За спиной послышался выстрел.

— Девушка, конечная! Выходим быстрее.

Пять утра. Привкусом сажи и угольной крошки встретил родной город. Неприветлив, как и всегда: воздух сухой и царапающий ноздри, прохлада, пробирающая до костей, дарит непроходящее часами чувство озноба. Город, который я боготворила и в который ненавижу возвращаться.

Что этот сон значил? Это укол в мою старую рану под названием «Почему люди не находят утешения в других?». Вот бывает смотришь на семью, точнее, не смотришь, а люблю-

ешься: полное взаимопонимание и ссоры лишь на тему «кто кого больше любит». Потом включаешь новости и там «убил жену из ревности», «разделала мужа на мелкие кусочки, а кишки постирала в стиральной машинке». Где проходит та грань между «это достойный человек, и я никогда не причиню ему боли» и «Чтоб ты сдох, мразь»?

Пусть бывает эффект «розовых очков», бывает и недюжинное терпение, но здравый смысл же однажды берёт бразды правления в свои руки и говорит «стоп». Или нет? Есть забавное выражение, смысл которого в том, что бич молодого поколения в неумении терпеть, а проклятие нашего в том, что мы терпим, а потом ещё немножечко терпим.

Почему же новые, молодые и горячие люди такие решительные? У нас были живые примеры перед глазами. Наши учителя были строгими, их закалили или доломали кризисы, создание новых государств на пепелище старых. Они выжили и учились быть людьми параллельно с родительством. Они уже не принадлежали себе, при этом оставаясь детьми.

Моя мама родила ребёнка в 24 года. Я в 24 года была не то чтобы не готовой к роли матери, я была ребёнком: несмышлёным, слепым и глухим, который тыкался в стены в надежде, что однажды найдёт дверь.

В детстве нам кажется, что родители — боги, которым всё известно и понятно. Они ведут свои взрослые разговоры, без запинки отвечают на самые сложные наши вопросы, у них на всё есть своё мнение и ценный совет.

В подростковом возрасте нам кажется, что только мы в этом мире любили так сильно, как любим сейчас, и что сильнее наших экзистенциальных кризисов ещё не было в мире, что только нам приходят в голову столь гениальные идеи. Взрослые же нас не понимают, они скучные со своими элементарными проблемами. То ли дело мы.

Потом скучные взрослые — мы сами. Настоящий бич моего поколения — мы не умеем быть взрослыми. Морщинистые и бородатые дети, которые всё никак не могут решить, кем же им стать, когда вырастут.

В наше время не зазорно сходить на приём к психологу, не зазорно принимать антидепрессанты, иметь диагностированное расстройство. А что поколение наших родителей или их родителей? Тех самых, что «работали без выходных, рожали в полях и никаких депрессий не имели». Повальная статистика больных алкоголизмом и наличие суицидников среди родственников говорит об обратном.

Мы все больны, разница лишь в стадии болезни. Не буду притворяться психологом и искать черты психических отклонений в маме, папе, себе и других, хотя так и хочется сказать о синдроме спасателя, жертве и прочих психологических клише.

Кажется, я чувствую запах сирени. Это странно. Осеннее утро в самом разгаре. Ни о какой сирени и речи быть не может. Хотя... Это же тот самый перекрёсток, где одной злополучной весной я разбила колени в кровь и мама утешала

меня, как могла. Горло саднит от накатившего желания прореветься во весь голос, но я сдерживаюсь. Кручу в голове последнюю мысль. О чём же она была...

Точно! Страх порождает лишь страх. Мы боимся быть счастливыми, так как быть несчастным удобнее и понятнее. Мы прекрасно знаем, что делать, когда всё плохо, но что же делать, когда всё хорошо? Смотрела ли я когда-нибудь фильм, где от самого начала и до конца у главного героя была тишь да гладь? Нет, всегда главного героя будто бы преследуют злоключения и беды или ссоры и предательства. Почему никто не снимает про мир и покой? Потому что это не трогает душу. Человек чувствует некую солидарность лишь с героями с глубоким внутренним конфликтом или чередой тревожных и сложных событий.

Ни в литературе, ни в кинематографе нас не учат тому, что делать, если у тебя вдруг случайно всё хорошо. Даже в любимом нами интернете нет точного ответа на вопрос: «Что делать, если дела пошли в гору», «Как удержать удачу», «Муж меня уважает и любит: давайте порадуемся и пойдём пить чай».

В интернете найдутся миллионы людей, которые говорят что-то вроде «научись правильно дышать и панических атак не будет», «чтобы деньги тебя любили, просто родись в богатой семье». Нам говорят, что если мы будем вставать в 5 утра, бегать, пить воду с лимоном и читать по 30 книг в месяц, то мы ухватим счастье за хвост. И снова не то. Малень-

кая коричневая птичка спикировала прямо на плечо и также быстро с него ретировалась, будто подтверждая истинность моих размышлений.

Итого: нас не учат, как жить свободно и счастливо, равно как и самообучение приводит в тупик. Значит, мы несчастны, потому что растём на примерах вечной борьбы и страданий? И да, и нет. Ещё одна проблема — желание прожить несколько жизней. Быть ковбоем байкером или отцом? Великой карьеристкой или матерью? А что будет, если совместить? Большая часть людей едва исполнили треть своих целей из-за того, что решили взять на себя одну из главных и тяжёлых ролей в жизни — роль родителя.

Кажется, мой мозг разбух от якобы глубоких раздумий на самые поверхностные темы. Продолжаю идти квартал за кварталом, на автомате останавливаясь на пешеходных переходах, перед крутыми поворотами и там, где технически на меня может наехать лихой грузовик. Только спустя полчаса я остановилась и поняла, что идти мне некуда. Сейчас половина шестого утра и ни единая душа, кроме Корвина, не знает, что я здесь.

Посмотрела на телефон и задумалась. Технически, могу позвонить родителям. И мама, и папа точно уже не спят. Я могу позвонить Иллине и Сибилле, набрать старых коллег (чем чёрт не шутит), но есть одна проблема. Я никуда не хочу идти и никого не хочу видеть, кроме неё.

От автобусной станции нужно пройти ровно 3 километра,

и непривычный для утра километраж не испугал, а лишь раззадорил. Вопреки тому, что пешую ходьбу я не особо жалую, каждый шаг даётся легче предыдущего, ведь я снова увижу её, снова смогу обнять, лечь головой на колени и рассказать обо всём, что так накипело. Что тяготит, обременяет, что делает меня неестественно тяжёлой. В какой-то момент я поняла, что не иду, а лечу вприпрыжку, так не терпелось мне снова встретиться.

Чтобы минутку побыть с ней, погреться в лучах самой доброй на свете улыбки, я готова свернуть горы или кому-нибудь шею — настолько она важна. В моей жизни были важные люди, но важнее неё не было и нет никого. Вот и виднеются её опочивальне, но я не помню, где именно её искать. На новом адресе я была лишь единожды, и настроение тогда было, мягко говоря, скверное. Вход заслонил сухенький паренёк лет двадцати пяти. Дым из его сигареты клубится, улетая в небесную гладь и сливаясь с облаками. Картина завораживает и притягивает, умиротворяет отчасти.

— Вам помочь? — спросил он, спешно струсив пепел на ботинок.

— Где я могу найти Байтолову Агнессу?

— Не знаю такую. Я устроился пару месяцев назад. А как давно она здесь?

— Сложно сказать. Где-то лет шесть-семь, не меньше.

— Сейчас посмотрю в картотеке, — он достал небольшой блокнот и пролистал его почти в самое начало, затем взял из

него номер и пошёл в маленькую кибитку, но спешно вернулся. — Вам идти прямо сто метров, потом налево и там ещё двести метров прямо.

Неуверенно кивнула в знак признательности. Шаг замедлился, как и дыхание с сердцебиением. Я слышу, как стук сердца с каждым новым шагом раздаётся эхом. . Поворот налево, пятьдесят метров, сто, сто пятьдесят и, кажется, мы прибыли по адресу.

Я так рада нашей встречи, ты даже представить не можешь. Сколько раз прокручивала нашу последнюю встречу и тысячи встреч до неё. Их оказалось предательски мало. Мне было мало 8766 тысяч дней с тобой, мало было бы и всей жизни.

Эти годы, что я ехала к тебе, окончательно меня доломали, сделали моё тело и разум хрупкими, как хрусталь в твоём любимом сервизе, и я знаю, что смогу снова обрести себя, стать сильной только в твоих объятиях. Если ты снова хоть разочек посмотришь на меня тем своим коронным взглядом, от которого даже самая болезненная ссадина переставала болеть. Мне нужно так мало и много одновременно: только ты, счастье быть рядышком, смотреть на тебя, сидеть на кухне и пить чай, пока солнце лениво катится за горизонт, а бой часов напоминает о том, что мы ещё живы.

Но ты холодна. Ты была весёлой, печальной, была в ярости и в смятении, но только не холодной. Я знала, что ты

встретишь меня именно так. Прости, пожалуйста, что я опять с пустыми руками. Магазины закрыты были, и я пришла как обычно: глупо и бестактно. И как тебе не холодно? Осень уже, а ты в земле. Там же так вязко и неприятно. Тебе там совсем не место, бабушка.

Металл забора шершавый и хлипкий, не вызывающий доверия и так и раззадоривающий спросить, какого рожна за ним никто не ухаживает, правда это же вопрос впору задать и мне. Села на самый краешек оградки и внимательно посмотрела на могильную плиту. Имена, фамилии и даты — всё как и у всех. Но она — не все. Для кладбищенских зевак она лишь чёрный кирпичик с датой, массовка их жизни. Я же в день её смерти потеряла кусок своей души, получила такую глубокую рану, которая не может затянуться. Она не была первым умершим человеком в моей жизни, и, к сожалению, не станет последним, ведь лекарство от смерти ещё не изобрели.

Она стала человеком, утрату которого ты ощущаешь. Ведь есть утраты, которые не ощутимы. Есть те, от которых немножко больно, и те, о что заставляют мысль крутиться в карусели черепушки до тошноты и потери координации. А есть она, и утрата её сравнима с вечными муками, с самой изошрённой пыткой. Вот, наверное, пытка каплей воды будет похожа на то, что чувствую я каждый день, сколько её нет. Иногда я забываю, а потом вдруг вспоминаю, и всё начинается заново.

Сползла с оградки, согнулась калачиком и положила голову на сырую землю, туда, где, как мне казалось, лежат её ноги. Помню, как она лежала в открытом гробу, и я в истерике вышла из комнаты, где её отпевали. Помню, как её закопали. И вроде бы и нет её, нет больше человека. А зачем тогда он был, если его не стало? Разве может просто человек испариться?

Есть мнение, что пока человек существует в границах наших воспоминаний, он жив. Но что будет, когда я умру? У меня нет детей, да и если бы были, они не поняли бы значимость этих воспоминаний, равно как я не понимала значимости историй моего прадедушки. Они не знали бы её лично, и, значит, не помнили бы. Возможно, я так боюсь смерти, так как боюсь, что она снова заберёт самого дорогого мне человека. И хоть технически мне будет уже всё равно, всё моё естество сейчас горит и разрывается от самой только мысли.

Слёзы одна за одной катятся по щекам и сливаются с сырой кладбищенской землёй. В области солнечного сплетения ощущение жара и распираания, ком в горле мешает заорать во весь голос, завывать от захлестнувшего чувства безнадёги и горя.

Я всю жизнь ищу тебя, твой след, твой путь и твою мудрость. Но тебя во мне ничтожно мало. Во мне столько застряло от других, а вот от тебя, как мне кажется, почти ничего не осталось.

Иногда заставляю себя вспомнить твой голос, как ты

звала меня ужинаать, но сомневаюсь, что это действительно он. Я больше никогда не услышу твой голос, и это убивает меня день ото дня. Ни одна загадка мира мне неинтересна как та, есть ли жизнь после смерти. Просто не хочу верить, что ты ушла в никуда и что туда же приду однажды и я.

Если после смерти мы не встретимся, то жизнь — самая несмешная и чёрная шутка, самый жестокий розыгрыш от природы и от самого мироздания. Необъятная Вселенная, которую человеческий разум не в состоянии постичь и на процент, и смерть, как безупречная роскошная улыбка на картине, в которую, чем дольше всматриваешься, тем больше понимаешь, что это оскал.

Я люблю тебя так сильно, как могут любить люди. Берегу каждую крупинку воспоминаний и боюсь их растерять до боли в висках. Боюсь, что однажды проснусь и не вспомню твои серёжки или как выглядел твой халат. Я не была готова тебя потерять и не готова снова и снова терять тебя каждый день. Прости меня за то, что я — это я. За то, что не стала гением или безупречной женой, что сбежала так далеко, как могла от собственной семьи. Прости, что не смогла стать тобой.

Наверное, это даже хорошо, ведь только ты можешь быть тобой. И если вдруг ты превратишься в зомби, я сразу же побегу к тебе, чтобы ты меня укусила, и мы снова были вместе. Но пока апокалипсис не маячит на горизонте, я, как

и каждый день до него, буду жить дальше, неся в памяти тебя, как образ того, что меня когда-то любили просто за сам факт моего существования и я любила также кого-то в ответ.

Я в вечном долгу перед тобой и всегда буду преклоняться твоей доброте. А теперь снова уйду и, наверное, больше не вернусь. Ведь ты тут не живешь. Если есть душа, она не здесь. Ей тут было бы скучно.

Утёрла слёзы мокрым грязным рукавом и случайно размазала по лицу кусочек могильной земли. Из рта вырвался хриплый смешок. В последний раз посмотрела на могилу бабушки, провела ладонью по могильному камню, бегло его поцеловала и медленно поплелась в сторону выхода.

Отдаляясь от неё, я не чувствую боли, скорби или печали. Мне вдруг стало хорошо. «Ведь ты тут не живешь. Если есть душа, она не здесь. Ей тут было бы скучно». И я представила, как моя бабулетта в виде призрака катается на горном склоне с заядлыми лыжниками. Затем летит подкоптить призрачную личину под Мадридским солнышком и, конечно же, приходит к моему папе поскидывать кружки со стола и поскрипеть половицами. Так, для порядка.

Солнце засветило необычайно ярко и обдало поистине летним теплом. Или это впервые за долгие годы в моей душе поселилась надежда на то, что рана превратится в воспоминание, а печаль станет светлой грустью?

— *Сердце твоё двулико: сверху оно набито мягкой тра-*

вой, а снизу каменное-каменное дно, — послышалось за спиной.

Резко обернулась, но увидела лишь могилки да кресты. Есть поверье, что оборачиваться на кладбище нельзя, даже если окликнули, мол, примета плохая. Одно лишь нахождение в этом богом забытом городе было плохой приметой, так что я нисколько не удивилась бы призракам, напевающим старые хитовые песни прямо в уши.

— Не нравится Агата Кристи?

— Писательница интересная, да и группа ничего, — на автомате ответила и осеклась. Призраком оказался могильщик, который бесшумно, как кошка, следовал за мной по пятам и, как оказалось, наблюдал украдкой всю мою тихую агонию.

— Вы не думайте, я не маньяк какой-то. Хотя вот маньяк, наверное, сказал бы так же. Кто бы сразу признавался, что он — маньяк?

— Так вы — не маньяк? — холодно спросила я.

— Вовсе нет, я же так и сказал, — парень показательно выровнялся, аккуратно стряхнул пыль с грязной рабочей рубашки и спешно обтёр руки об штаны.

— Ладно. Глубокий диалог у нас получается, философский отчасти. Вы — не маньяк и ещё и любитель Агаты Кристи.

— Попрошу! Ценитель. С любителями и говорить не о чём. Ты либо весь растворяешься в своей симпатии, либо и

не начинай симпатизировать вовсе. Так я считаю. Это, если хотите, моё кредо, — он вскинул ладони вверх, будто дирижёр.

— Мы всё ещё говорим об Агате Кристи?

— Да я и сам уже запутался. И знать не знаю, зачем за вами пошёл. Точнее, я знал, но уже забыл.

— Так я пойду? — весь диалог меня не отпускает чувство удушающего покоя: липкое ощущение, когда долго сидишь на одном месте и вот ощущаешь, что надо бы встать, а не можешь, а прилип, врос корнями в кресло и оттого и уютно, спокойно, и тошно одновременно.

— Вспомнил! Я, когда вас увидел, долго не мог понять, откуда мы знакомы, а мы ведь знакомы! Точнее, я вас знаю, а вы меня ещё не знаете, но уже знаете, с другой стороны. Я когда-то работал тут недалеко на лесопилке. Неплохая работёнка была: пыльная да непыльная, как говорят. И всё мне там нравилось, но как-то в одну из суббот я проснулся и понял, что мне оттудова валить надо. Но я не стал. Не из упрямства, по глупости. Зачем, мол, валить, если всё же хорошо же?

— И то верно, — пробурчала я и как-то слишком карикатурно закатила глаза.

— И вот воскресно проснулся и та же мысль, понедельникова тоже. Ну и так далее. В итоге я сдался и уволился одним махом. Был день такой гаденький: дождик моросил, зябко было, хоть лето. Я в футболке такой тонюсенькой, иду, зна-

чит, и прям настроение один в один как погода, а навстречу мне мужик. Статный такой, в туфлях лаковых, плаще и шляпе. Напоминаю, дело было летом.

— Да как же тут забудешь, — скрестила руки и беззвучно сделала полшага назад.

— «Чудак», подумал я, а он хватить меня за руку, — загадочный собеседник скорчил гримасу ужаса: брови подняты, челюсть плотно сжата, при этом верхняя губа оттопырена вверх. Видимо, для пущего эффекта он вскинул руки над головой.

— Вас это настолько испугало?

— Нет, я просто в театре мечтал играть, больно уж театр люблю. Вот решил вам устроить представление как раз. Итак! Не сбивайте меня, прекрасная леди! Мужик. Рука. Страшно, — он насупил брови, свёл их так близко друг к другу, что лицо больше походило на маску, — Я на него вылупился, а он красивый такой... Я не из этих, ну, вот тех, хоть ничего против не имею, но и не считаю чем-то предосудительным отметить, если кто-то выглядит ну красиво. Его голубые глаза мне иногда аж снятся: смотрю на звёздное небо, и вдруг два глаза смотрят, как я смотрю на них. Жуть. Но вернёмся же к мужику. Он меня за руку схватил и говорит:

«Эстебан, лесопилка — не твой удел. Твоя многоликая душа раскроется лишь тогда, когда ты сладишь её со своим страхом, сольёшься с ним, будешь копать его долго и мето-

дично, как истинный археолог. Мы повстречались неслучайно, ведь ты, мой дорогой, станешь важной частью плана самого мироздания, вселенной, если позволишь. Ты должен передать это письмо одной прелестной даме. Она сама тебя найдёт в том месте, где ты будешь искать себя». Слово его завораживало.

— И вы вот так, слово в слово, запомнили? Ну, по вашим словам, это не мужчина, а чопорный джентльмен не из нашего времени, — чувствую, как веко начинает раздражающе поддёргиваться, и стараюсь охватить взглядом как можно больший периметр для планирования манёвра.

— Думаю, вы слышите, что я пытаюсь свой лексикон расширять, но я и не дурак, понимаю, что звучу нелепо. Но он меня так впечатлил. Этот мужик. То есть мужчина. И вот я ему с той поры пытаюсь немножко подражать. И он вручил мне конверт, —могильщик Эстебан протянул мне конверт с силуэтным тeneвым портретом: девушка в $\frac{3}{4}$ смутно напоминала меня, но это могло быть лишь игрой воображения. Однако в уголке конверта от руки было написано карандашом: «спросит Байталову».

— Так значит, вы думаете, что я поверю в вашу хитровыдуманную историю? Что вы, собственно, от меня хотите? Денег? Сейчас предложите мне свои услуги медиума? Расскажите, как бабушка на том свете мною гордится? — раздражённо наседала я. От вдруг накотившей злобы на лбу вздулась маленькая венка, а щёки и нос предательски раскраснелись,

как и всегда, когда я нервничала. Было стойкое ощущение, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, но мне было не до ощупывания пульса и других невротических ритуалов. Это была битва, в которой я намеревалась выиграть во что бы то ни стало.

— Я вот так и знал, что вас напугаю, дикарь этакий, — парень звонко ударил себя ладонью по макушке — Понимаю, как со стороны это выглядит: какой-то страшный бабаец из рода бабайцев ходит-бродит, следит, письма какие-то даёт и про призрака в пальто задвигает. Ой. То есть рассказывает. Но всё, что я вам говорю, — правда. Я и сам понял, что это всё было не сном, когда пошёл гулять и вдруг засмотрелся на птичку. Красивую такую, ну просто загляденье! А гулял я возле кладбища. Кстати, возле этого вот самого. Я живу на конечной 20 автобуса, относительно недалеко. И птичка такая раз и села на ворота, а прямо возле них стоит Толли.

— Толли?

— Ага.

— Поистине дикая история, ничего не скажешь, Эстебан, — я настолько боялась сказать лишнего, что не заметила, как плотно сжала челюсть. Хоть спутник и дикий, обижать его цоканьем и смешками почему-то не хотелось.

Всё происходящее так сильно походит на бред сумасшедшего, что остаётся только наслаждаться этим безумием и украдкой искать хоть одну живую душу на случай, если Эстебан, со всей его непосредственностью, вдруг вытащит из-

за пазухи тесак или короткоствол.

— А я о чём, – глотая воздух и кашляя выдавил могильщик, – и вот Толли... Стоп. Вы же не поняли, наверно, что за Толли! Вот я дурак-пенёк. Толли — могильщик здешний, лучший работник десятилетия! Он сам так сказал, если что. Я спросил: «А кто тебя так титуловал?». На что он сказал, что «Ни один его клиент не жаловался», вот, мол, весь секрет его успешной карьеры.

— Ближе к делу, Эстебан, ради бога.

— Да-да! Так вот. Там копал свежую могилку Толли, и я понял всё. Ну, не то, чтобы прям всё-всё. Про кота в коробке, который техническидохлый, но теоретически живой, я всё ещё не очень понял. Но вот что мужчина в плаще говорил о кладбище я понял основательно. Хотите знать почему?

— Нет.

— Я до мурашек боюсь, – он понизил голос, и, придвинувшись чуть ближе, прошептал, – мертвяков-скелетонов.

— Злой рок или ирония судьбы, получается, – от чуть влажного горячего шёпота на ухо стало до распираания в груди неловко, пришлось надеть броню из иронии и снова сделать беззвучные полшага назад.

— Вовсе нет. Мой собственный выбор. Ну, мой и чуточку загадочного мужчины. Я просто понял и про страх, и что его нужно копать, и всё сошлось, как в мозаике, где потерял кусочек, детальку малюсенькую, и вдруг нашёл её прилипшей к задку! Ой..., – Эстебан зарделся, так как, как мне ка-

жется, по натуре был очень скромным человеком. Я сразу просканировала его своим эмпатическим чутьём: в общении с женщинами не терпел сальностей и фриivolности. Хотя в мире, где мы живём, из уст детей чаще тиканья часов вылетают более забористые и витиеватые крепкие словечки, есть ощущение, что в мире Эстебана слово «зад» при женщине было сродни публичной наготe.

Хотя, думаю, с мужчинами он такого смущения не испытывает, с ними он забористый матершинник, такой, что уши бы краснели. Не стала глумиться и подтрунивать над таким сокровищем и постаралась сместить акцент беседы, уже не ожидая, что она когда-то придёт к какой-то конкретике.

— А вам не кажется, что вы восприняли слова этого господина слишком буквально? Копать. Страх, — я развела руками, изобразив Фемиду, чтобы показать, на каких разных полюсах находятся якорьки, которые парень с таким трудом выудил из речи незнакомца.

— Нет. Я же не псих.

— И то верно. К чему это я, действительно? — на губах застыла глупенькая улыбочка, такая, когда у тебя трижды спросили что-то важное, а у тебя вдруг включилась фантомная глухота и ты вынужден лишь кивать и улыбаться, как пластиковый болванчик.

— Я это всё вёл к тому, что загадочный мужчина же, получается, оказался провидцем! И я, по его же словам, нашёл себя в итоге.

— А вы нашли?

— Не знаю. Если честно, я не то, чтобы себя терял. Я себе в целом всегда нравился: простой, честный, в меру ленивый, не какой-то там нахал и задира. Обычный я, с обычными мечтами и обычными интересами. Не всем быть героями, хотеть быть мускулистым богом или крутым парнем с гитарой. Мне не нужно сражаться с чудищами и не нужно собирать стадионы, чтобы считать, что жизнь удалась. Она и так удалась, ведь я живой.

Жить мне ну очень нравится: нюхать что-то приятное, кушать вкусную еду, смеяться так, что аж болят бока и скулы, и даже грустить мне нравится, ведь после грусти первое хорошее, что случается, всегда так сладко ощущается. Прямо в этой первой послегрустевой радости и есть вся жизнь.

Я стояла и не могла отвести взгляд от этого невзрачного могильного философа, в глубинах разума которого сокрыты ответы на вопросы, над которыми самые важные мужи быются столетиями. Вот он — новый Платон, новый Сенека, ему не хватает лишь капельки честолюбия и нахальства, чтобы осознать собственную нетривиальность и, в то же время, абсолютную предсказуемость и плоскость.

Капелька самокопания и ненависти к самому себе, щепотка стыда, и он стал бы новым голосом поколения, объединяя поиски глубины наших далёких предков и ощущение самости современного человека. К счастью или к сожалению, он был таким, какой он есть — простачком, которого мог во-

дить за нос каждый встречный.

— Эстебан, это всё очень увлекательно, но мне порядком наскучило. Я пойду, дел невпроворот.

— А письмо вы не откроете?

— Не сейчас, – сухо резюмировала я. Эстебан показательно надул губы и посмотрел поверх меня.

— Тогда ещё увидимся. Мужчина в плаще нас не просто так свёл. Значит, это не последняя встреча, – он развернулся и быстро зашагал в сторону кладбища, так, словно его кто-то силой потянул за невидимые ниточки, когда его «миссия» завершилась.

Уже не помня, о чём думала до этой сумасшедшей встречи, торопливо перешла дорогу и поймала первый попавшийся автобус, особенно не разбираясь, куда он следует. Городок небольшой — куда бы я ни попала, оттуда легко будет убраться на все четыре стороны. Полупустой салон, сонный водитель и пара зевак, даже не поднявших головы, когда я вошла внутрь. Обстановка явно здоровее, чем была несколько секунд назад.

— Мы на Молево, там конечная.

— Мне туда и нужно, спасибо.

— Кому ты врёшь. Никому по своей воле на Молево не нужно, – отчеканил водитель, пересчитывая точность монеток за проезд. Однако на Молево мне действительно было нужно, ведь именно в этом районе прошло моё детство.

Я села позади водителя и почувствовала лёгкий диском-

форт в ладони. Письмо, которое мне дал Эстебан, было за-
жато в кулак так сильно, что невольно деформировалось в
один сплошной ком. Автобус тронулся. Я распрямила кон-
верт и потянула за уголок. На плотной молочной бумаге кал-
лиграфическим почерком было выведено целое послание.

Моя дорогая, Теона. Moё risveglio

*Звук лязганья цепей кажется страшным только первые
полчаса. Когда же этот звук длится уже неделю, к нему
привыкаешь. Кажется, что, если и его не станет и окажись
я в полной тишине – тотчас сойду с ума.*

*Где-то там далеко наверху кроны деревьев вальяжно
гнуться в реверансах из-за нестихающего ветра. Не нужно
и головы поднимать, чтобы увидеть, да и размахивать го-
ловой туда-сюда – непозволительная роскошь, когда заблу-
дился и нет никаких надежд на то, что тебя найдут и спа-
сут.*

*Внутренний голос твердит: «Это сон, это не может
быть правдой», но зацепив себя до синяков, я окончательно
убедился: всё, что сейчас со мной происходит реально. Я по-
чти не помню своё прошлое, совсем не помню, как ощутил-
ся в этом мрачном лесу, но на уровне интуиции понимаю,
что оказался здесь не просто так. Кандалы на ногах прямо
намекают, что за пределами леса мне будет не менее опас-
но, чем густой чаще, где даже луч солнца старательно из-
бегает столкновения с неизвестной угрозой, скрывающейся
в глубине древесных массивов.*

Этот звук. Отчётливый, умеренно громкий. Такой, чтобы ты понимал, что ты не один, что за тобой наблюдают. Я пытался наладить контакт: кричал, размахивал руками, даже громко рыдал – ничего. Только ветер и лягз.

Кажется, что самое страшное в лесу – дикие звери, но я никого так и не встретил. Ни птицы, ни букашки, ни червячка, медведя или оленя уж тем более. Только я и нечто в цепях, что следует за мной, куда бы я ни пошёл. Я присел отдохнуть – оно тоже сидит где-то рядом. Двинулся дальше – оно идёт за мой шаг в шаг.

Как зажмурю глаза, так кажется, будто дышит мне это неведомое нечто в спину, что вот-вот прикоснётся своей лапой к моей шее и переломит её, и я открываю глаза. Я чувствую, как холодное дыхание зверя оставляет рисунок изморозью на моём затылке. Моя дорога, спасение моё, дар, живой огонь, что испепелит зверя и освободит мой разум из ледяной клетки.

Я ждал твоего возвращения, точнее, знал, что ты вернёшься. Мы виделись с тобой однажды. С тех пор я «прилепился» к тебе: ходил за тобой день за днём, неделя за неделей. Я был с тобой, пока ты росла, когда тебе было плохо и когда от счастья ты не знала, куда себя деть.

Кто я? Ещё не время рассказать. Опасен ли? Не мне судить. Встретимся ли мы? Нам однозначно по судьбе, но я сомневаюсь. Чего хочу? Чтобы ты сама меня нашла. Со мной ты найдёшь то, за чем приехала. Взамен я ничего

не попрошу .

*Vattene ai lieti e fortunati amanti
e lor lusinga, a lor porgi conforto,
s'han qualche dlici noie e dolci pianti.
Meco, e ben ha di ciò Madonna il torto,
le lagrime son tali e i dolor tanti,
ch'al più misero e tristo invidia porto.
Навеки твой, Дауди.*

На обороте конверта я нашла адрес, который знала просто прекрасно — адрес моего дома.

Глава 3: На стыке сновидений

“Я понимаю, что наступило утро, лишь по холоду, такому, знаешь, умеренному. Его выдержать можно, но дискомфорт от непроходящего озноба спутывает мысли. В одно и то же время вдруг утихает ветер и на траве проступает роса. Только успеваю росой лицо смочить, как всё начинается заново.

Пишу эти строки тебе лишь для того, чтобы, когда ты очутишься в этом лесу, быстрее поняла, что делать и как не умереть от жажды, а ещё пишу, чтобы не сойти с ума окончательно. Сегодня день отличается от предыдущих: вижу в двухстах метрах облако тумана, что делит лес на две части. В той, что без тумана, я всё знаю. Но что будет там, за границей неизведанного? Что если незримая угроза сидит именно там и только и ждёт, когда я отчаюсь и сделаю шаг?

К чёрту! К чёрту! Я никуда не пойду. Лес уже дал мне понять, что это какая-то игра, что меня давно бы убили, если бы захотели. Если это игра, значит и выиграть в неё можно, нужно только понять правила и найти лазейку. Я что-то упускаю. Что-то упускаю. Что-то упускаю. Или я сошёл с ума? А может это мои кандалы звенят? Но как им звенеть, когда я сижу? И где вся живность? А может помолиться? Или дерево обнять? А что, а идея! Может в

дереве есть тайник какой и, если нужную ветку найти, он откроется?»

Водитель резко затормозил на кочке, и я открыла глаза. Это был не мой сон. Не мои мысли. Это даже мыслями не было, ведь мне только что вложили в голову вторую часть письма. Как? Почему? Голова резко заныла в области висков, и я поморщилась. Залезла в сумочку за обезболивающим и нашла что-то значительно лучше — длинноствольный кольт 44 калибра и маленький кожаный блокнот.

Голова болеть перестала сразу, да и сон как рукой сняло. Медленно осмотрелась по сторонам, но пассажиров рядом не было. Автобус же окончательно остановился, и водитель одним лишь взглядом в зеркало заднего вида показал, что с этим безумием, иначе и не скажешь, мне разбираться вне его кареты.

«Что за дерьмо?», – подумала я, выползая из автобуса. Ветер трепал блокнот, и с одной страницы каллиграфическим почерком на меня посмотрело безумие:

«Что за дерьмо?», – подумала ты? Это, дорогая, не дерьмо, это моя жизнь. Прости, что приходится прибегать к уловкам деревенской магии, но только так мы можем сейчас коммуницировать. Ты уже нашла мой скромный подарочек. В нём 6 патронов. Используй с умом. Лучшие вообще не используй, но кто я такой, чтобы тебя судить — строчки на бумажке. Вот же авторитет, конечно. Боюсь-боюсь.

«Я будто бы в дурдоме», – сказала вслух и посмотрела в

блокнот. На следующей странице меня уже ждал ответ.

«У меня силёнок не так много, как кажется. Давай без этих проверок чудес? Я – не волшебный дневничок секретиков, и дурдом, откровенно говоря, нас ждёт впереди. Но тебе же неймется, да? Задавай ещё один вопрос. Но только один! И перейдём к сути»

— Эстебан так о тебе рассказывал. Говорил, какой ты, ну прямо-таки, вельможа. А со мной как-то быстро перешёл от «*Moё risveglio*» до иронии да сортирных изречений.

— Дорогая, я бы и не прочь поиграть с тобой в призрака-кавалера, но у меня тут очень быстро сменилась погода. Если ты меня не найдёшь в ближайшие сутки, вероятность, что мы продолжим диалог, крайне низка.

— А мне это зачем?

— От снов хочешь избавиться? А от морока удушающего, из-за которого ты тут оказалась? Это ведь не твои воспоминания. Ты и сама уже догадалась.

Я не ответила. Активный диалог с блокнотом периодически выбрасывал в реальность, в которой это походило на острую форму шизофрении, нежели на загадочные обстоятельства, в которых я случайно оказалась замешана. Ветер снова растрепал страницы. Я не хотела смотреть. Хотела захлопнуть его, выбросить в овраг, возле которого проходила, и пойти домой. Но интерес и желание разобраться в сути происходящего взяло верх.

— Так вот. Я смог залезть на дерево, и тут у меня пло-

хия новости. Лес не имеет начала и конца. А ещё небо. Оно тёмное. Не голубое и не затянутое тучами. Оно словно купол какой-то, но это не купол: нет отблесков. Просто чёрное небо, как ночью, только звёзд нет.

Мне кажется, в лязге я услышал мелодию, но не могу понять, откуда её знаю. Время течёт странно. Я его не чувствую, как и голод и жажду. Оно хочет, чтобы я сдался.

— Зверь? — мелкие противные мурашки поползли по шее вниз.

— Он самый. Мне кажется, я что-то упускаю.

— Я-то чем тебе помогу? Иди туда — не знаю куда?

— Когда ты была маленькая, ну, как маленькая, юная скорее, я во дворе у тебя кое-что оставил. Ты в ту ночь не спала — ждала одного паренька. Вы потом поехали на звёзды глядеть и всё такое. Найди чёрную коробочку. Сразу поймёшь, что это она — не ошибёшься.

— Ты что несёшь?

— Преимущественно радость, но сейчас скорее проблемы и разочарования...

— С каким пареньком? Да не было такого, — сердце бешено колотилось, живот стал горячим: моё тело всегда бурно реагировало на ложь.

— Как я мог забыть. Ты же забыла. Ой, какая красивая тавтология вышла! Ну, ничего, как меня найдёшь, всё вспомнишь. А сейчас я пойду. И так израсходовал на эту светскую беседу кучу сил.

— Эй! — так сильно затрясла блокнот, что запястья за-
ныли, но больше ни строчки в нём не появилось, как и отве-
тов. Лишь больше вопросов и нарастающей тревоги, которая
стала фоновой мелодией этой поездки в родные края. Какой
парень? Стала бы я кого-то ждать всю ночь? На меня не по-
хоже. В лицо прилетел большой каштановый лист, что заста-
вило отвлечься от мрака происходящего и сосредоточиться
на мраке грядущем — пришло время вернуться домой.

Было ощущение, будто сердце сделало лишний удар и вот я снова держу руку на пульсе. Ноги подкашиваются, перед глазами пелена. Вена на виске ощутимо вздулась, и я инстинктивно потянулась её потереть. В этот момент дверь калитки отворилась и врезала мне по руке, которой я так удачно закрыла лицо.

— Какой дегенерат у двери застрял? — заорал отец и уставился на меня. — Дочка? Ты чего тут забыла? Чего не предупредила? И что за представления ты тут устраиваешь: притаилась как кошка, я бы тебя как пришиб бы! — он растерянно тараторил, пытаясь не терять лица, не замечая, как бегают взгляд и как краснеют щёки. В конце концов отец сжал меня в крепкие неловкие объятия и внимательно осмотрел лицо. Только когда убедился, что ссадин нет, взглядом дал понять, что мне не мешает начать что-то говорить.

— Сюрпри-и-и-из! — неловко протянула я и расплылась в самой фальшивой и кривой улыбке. Колени дрожали. Положила на них ладони и встала в стойку японский борцов сумо. Отец же не был из профайлеров и легко проглотил эту насквозь лживую эмоцию и мой скрюченный вид.

— Ох ты и выдумщица, дочка! Я правда ухожу сейчас, но вернусь через пару часиков. Возвращайся ближе к четырём, хорошо? Свидимся, пообщаемся.

Единственное что я смогла сделать — кивнуть. Отец так быстро ретировался, что я даже не посмотрела, в какую сторону он пошёл. Ждать его до четырёх времени не было, ведь мой фантастический принц, на страницах живущий, может откинуться раньше.

Как искусный вор я нашла слабое место в заборе, зацепилась за плоское основание и попыталась подтянуться вверх. Кое-как удалось забраться на верхотуру. Торжество собственной ловкости, ветер развивает волосы, глаза щурятся от сладкого победоносного лучика света и ошалевшие глаза новой жены отца, которые немножко уменьшили моё ликование.

— Ты, верно, Теона? Дочка Адана? — осторожно спросила миловидная светловолосая женщина через открытое окно.

— Сюрприз! — пропела я, широко улыбаясь. Подумалось, что, если с отцом это сработало, может сработает и с любым человеком.

— Детка, ты слазь потихоньку, и заходи, чаю попьем, — женщина говорила таким обволакивающим голосом, что ей впору было идти работать в службу поддержки душевнобольных. Я быстро спрыгнула и пригладила волосы, словно это помогло бы «сместить» с меня следы безумия, которые виднелись издалека и невооружённым взглядом.

— Меня Эбби зовут, может Адан не говорил, — невысокая поджарая женщина за сорок большими голубыми глаза-

ми заботливо, по-доброму, смотрела так, словно я вошла в дверь, как человек, а не играла во взлом с проникновением в собственном доме, — Я очень тебе рада! Папа твой о тебе постоянно рассказывает: о детстве, о твоих успехах многочисленных. Я так и знала, что ты вот такая — весёленькая и красивая!

«Кто бы спорил: весёленькая — это точно», — подумала я и потупила взгляд. Было так совестно и стыдно, но также мысль о злоключениях Дауди никак не давала покоя. Нужно было что-то быстро придумать, но так, чтобы не напугать этого ангела во плоти. Однако времени на искусные речи не было, и я воспользовалась моим любимым инструментом — обезоруживающей правдой.

— Знаю, прозвучит странно, но мне прямо сейчас нужна лопата. Мне очень срочно нужно раскопать одну коробочку, которую друг детства не нарочно забыл у нас и, если не получит её прямо сегодня, у него будут большие, даже огромные проблемы. А ещё он знает итальянский и носит тёплое пальто летом, — в горле пересохло и я напоследок закашлялась, будто собираюсь умереть прямо здесь и сейчас.

Эбби, не говоря ни слова, указала на маленький сарайчик возле крыльца и улыбнулась.

— Ты копай, а я поставлю нам чаёчек, — сказала она и удалилась. Я же поспешила со всех ног. Не хотелось узнавать наверняка, вызвала ли она бригаду санитаров или действительно пошла ставить чай.

Открыла блокнот и желудок светло. Будто жёлчная колика напомнила, что за питанием следует следить внимательнее, так резко и больно мне стало в моменте. Ладони стали мокрыми, ледяными. Там меня ждал ответ, на который я рассчитывала меньше всего:

«Мне удаось разгадат скрет. Будь я внимательне, остал-ся бы с зубаи. В лязге зашифровано пслание абукой морзе. Эта твар говорит мне ити в туман. Всё это вема эта мразь сморела, как я корчсь в попытках выжсть и нати выход и вела меня в туман. В руках слабость.

Я не пониаю, пишу ли я всё ещё понятно. Вижу, что начал пропускать буквы, но не понио, какие должны они быть. Стал говоить сам с собой уже давно, но теперь кажется, будто сам лес мне отвеает. Вот сказал я «я не поду в туман, собака», а тут ветка хрясь и слоалась где-то ряом. Эта мраз всё слышит и пониает. Эта мраз теряе терпение. Ничего я его тоже тер...»

Запись обрывалась. Он умер? Устал и просто не может пока продолжить? Я опоздала? Продолжать ли мне или можно спокойно жить дальше? Наверное, даже если это конец, найти коробку лишним не будет. И я, вооружившись лопатой, пошла на раскопки. Коробка лежала между елью и забором, там, где её годами не замечали. Золотыми буквами были нанесены разные, кажется, греческие слова, объединяющиеся в предложение.

Να είσαι καλύτερος από τον πατέρα σου

Однако греческого я не знала, но мурашки, стекающие по щеке, подсказали, что в этой фразе кроется если не разгадка всего этого безумия, то точно подсказка.

— Нашла коробчѐнку? — аккуратно и бережно спросила Эбби, словно я — маленькая фарфоровая чашечка, на которую даже прохладное дыхание действует губительно. Невеста папы стояла с двумя кружками чая. Аромат ромашки, корицы и кардамона резко ударил в ноздри. Чай точно заваривался с желанием хоть как-то успокоить меня. Одно радовало — санитаров на горизонте видно не было. Я выровнялась и сбила с рук пыль.

— Да, спасибо, она оказалась именно там, где мой друг её и оставил. Диковинная вещь, конечно. И ведь ни морозы, ни дождь её никак не повредили, — я передала коробку Эбби, которая, казалось, была совсем не удивлена столь экстравагантной находке.

— «Будь лучше своего отца».

— Постараюсь, конечно, но вы это к чему?

— Тут так написано. «Будь лучше своего отца». Сериал был про параллельные вселенные, и там парнишке мама эту фразу говорила. Вот я и запомнила. А коробочка действительно необычная. На головоломку похожа, — она попробовала надавить на рѐбра куба, но, немного помешкав, вернула диковинку мне, — ты лучше сама попробуй. А то сломаю, и что ты своему другу будешь говорить. Ты попей чайку, пока ждёшь Адана, не стесняйся.

Меня переполняло чувство стыда и неловкости. Казалось, я вдруг уменьшилась до макового зёрнышка и, если быть честной, и этого было недостаточно. Хотелось расщепиться на атомы. Тогда, будучи невидимой человеческому глазу, я бы смогла вздохнуть с облегчением. Но реальность так не щадила: на меня с неподдельной добротой смотрела чудесная женщина, имени которой я даже знать не знала все эти годы.

Эбби понимающе кивнула, мягко сжала моё плечо и шаркающими короткими шагами вошла в дом. Я не смогла ни поблагодарить за чай, ни за короткую лингвистическую экспертизу. Просто смотрела ей вслед, пока дверь не захлопнулась и не обдала меня волной поднявшейся пыли. Листы блокнота перемешались. В самом начале были записи, которые я раньше не видела. Судя по всему, они были одними из первых.

«Мама, мне снился такой странный сон... Будто ты и папа вдруг сильно-сильно разозлились и ушли из дома, а я остался совсем-совсем один. Мне было так страшно, мамочка, но я – взрослый и сильный мальчик, я взял себя в руки и крепко-крепко зажмурился. Ты говорила, что, когда очень страшно, можно зажмуриться и страшное уйдёт. Но почему-то ушла ты.

Я долго-долго плакал. Так сильно, что стала болеть голова, а глаза стали красными-красными. Мне было так плохо, мамочка, так горько, что тебя не было рядом. Потом, когда стемнело, пришёл папа, и он был покрыт какой-то

красной жижей, похожей на варенье или кетчуп. Он зашёл в комнату и сказал, что ты больше не придёшь. А когда я спросил, в чём он испачкался, он вдруг так широко улыбнулся, будто хотел рассмеяться. Он сказал, что ни пальчика твоего в доме не будет, ни волоска.

А потом я проснулся. Как хорошо, что это был сон, мамочка. Вот же ты: твоя кудрявая головушка, белая кожа и глазки, такие же красные и немножко белые, как были у меня во сне. Как хорошо, что папочка не поступил так, как тот злой сно-папа и разрешил твоей головушке жить со мной в комнатке. Мне нравились твои ручки, которые обнимали меня перед сном, но их папа не принёс. Да и не важно, мамочка, главное – что мы вместе».

Я оперлась спиной об ель, чтобы удержать равновесие. Меня безбожно мутит, но не из-за описанного в блокноте-дневнике загадочного психопата, которому я собиралась помочь. Из-за ощущения, того самого, с чего началась моя история, желания, если понадобится, руками рыть тоннель в своих мыслях.

Вокруг меня снова всё затянуло туманом. В миг, словно кто-то потянул занавес, и он рухнул, пространство стало острым, режущим ноздри и кожу. Температура была идеально противной: недостаточно тёплой, чтобы расслабиться, и недостаточно холодной, чтобы озябнуть. Идеальный, абсолютный дискомфорт.

В глазах застыли непролитые слёзы и лихорадочный от-

блеск безумия, лоб покрылся испариной. Было так страшно, что даже слёзы застывали в страхе выйти из своего безопасного убежища. Ощущения в теле были не лучше: кожа словно уменьшилась на сантиметр. Кажется, что это немного, но на деле же вполне достаточно, чтобы ощутить себя в тесном мясном костюме, из которого хочется выбраться любыми, даже самыми кровавыми способами. Если бы кто-то дал мне в руки скальпель, я, не раздумывая, одним росчерком освободила бы своё костяное тело от этого скованного ада.

На этот раз двери я не найду. Даже пытаться не буду. В прошлый раз всё прошло, возможно, всё не смертельно и на этот раз? Потёрла глаза, да так интенсивно, что блики-молнии закружились перед лицом. Такое со мной второй раз, но, что в первый, что сейчас, я готова расцарапать себе глотку, вырвать сердце из груди лишь бы это закончилось.

Одна лишь загвоздка — не могу сделать ни единого резкого движения и даже дышу через раз. Делаю самый глубокий вдох, какой могу и задерживаю дыхания. Закрываю глаза. Сейчас я успокоюсь — и всё закончится. Прямо сейчас всё... Справа, где должен, вроде бы, располагаться забор, раздался громкий хруст. Я дёрнулась, изо рта вырвался громкий выдох с нехарактерным хрипом. Если бы я услышала такое в обычной ситуации, решила бы, что у меня лопнуло лёгкое. Хруст вдали сменился глухими шагами, которые явно приближались ко мне.

— Мы тут не одни. Тут девчонка.

Глава 4: В посмертии все средства хороши

— Мужик, эй, мужик, просыпайся.

— Да встаю я... Кажется, мне приснился кошмар про отца и мамку мою. А перед этим была какая-то муть про лес и кандалы...

— Дык не муть то была. Шо про родителей я не кумекаю, а вот в лесу ты реально заплутал. Потом, видать, наш туман нашёл и вот ты здесь. Тебя как звать-то вообще?

Дауди открыл глаза и осмотрелся. С десятков людей разных возрастов смотрели на него с интересом и ожиданием. Сам он отвечал ещё более недоумевающим взглядом, так как сомневался, реально ли происходящее или лишь продолжение долгого сна. Не страх, не паника волновали его, а вдруг возникшее чувство тоски. Сон или явь произошедшее с мамой? Реален ли он сам?

Туман. Густой, колючий и плотный укрыл собой бескрайные просторы тайного места. Не было видно ни привычной тьмы, ни деревьев, только он и десяток людей, растерянно потупивших взгляды, словно в их ногах было что-то такое интересное, что волей-неволей и самому хочется туда заглянуть. Первое, что его удивило после пробуждения, — тишина. Никаких звенящих кандалов или завываний ветра. Толь-

ко человеческое дыхание и стук сердец, сливающийся в одну по-своему красивую симфонию.

Тот мужик, что его разбудил, был главным в десятке. Лидера всегда замечаешь, равно как подмечаешь и заискивание группы перед ним. Молчаливая отрешённость раздражала новых товарищей, терпение «лидера» довольно быстро лопнуло.

— Ты кто вообще такой? Имя помнишь? Как в лес забрёл помнишь? Оружие есть? Отвечай только честно, земля, я враки чувствую, как запах навоза в коровнике, очевидно это типа.

«Восхитительна безмозглость, просто эталонное скудоумие», – прошептал Дауди, прикрыв рот ладонью.

— Меня зовут Дауди. Я не помню, как попал в лес и сколько в нём провёл. Я вёл дневник, пока были чернила, и точно знаю, что провёл в лесу больше месяца, прежде чем прийти к вам.

— Чепуха! Не мог ты месяц там прожить! — закричал мужчина, звонко хлопнув себя по животу. — Да и как бы ты это определил, если солнца тама не встаёт?

— По росе. Вы не замечали, что в определённый момент в лесу становится жуть как холодно и потом на траве роса проступает? — голос юноши нарочито мягкий, такой, будто он говорил не со взрослыми людьми, а с кучкой школьников-двоечников.

— Какая в жопу оса? Тьху ты! Роса. Мне ото потерявшим-

ся не хватала травинки рассматривать, да, народ?

Лидер расхохотался, а вслед за ним и компания. Если люди так безропотно хохочут над несмешными шутками, значит тот, кто шутит, имеет большую власть или несёт колоссальную угрозу.

— В любом случае, земля, ладно уж, поверю тебе. Будем тебя ботаником кликать. А чо с чудищем? Видал его?

— Только слышал звон кандалов.

— Кандалов? О как! Я вот слышал свист, красотка – детский смех, бугай – топот и так далее. Эта чудасина нас явно с ума сводит. Мы обшарили туман и нашли странную штуку. Чота типа двери, но не двери. Знаешь, такая штукенция, светится таким жёлтым цветом, — мужчина развёл руки, очерчивая ими полуарку. — Професир сказал, это может быть порталом-шморталом, иначе говоря, дверью на волю. Мы решили подождать немного, может, кто ещё припрётся, и пойти туда. Так как ты у нас последний — пойдёшь первым. Вдруг там подстава какая. Морду сунешь короче и высунешь. Расскажешь, чо видел.

Дауди смотрел на лидера, не моргая, ноги крепко упёрлись в землю, руки напряжённо зафиксировались на ремне. *«Если дать слабину — миг уничтожат»*, — подумал он. Тело горело от напряжения. Невольно начало подрагивать веко на правом глазу.

— Если не хочешь — мы тут не звери, но со временем тебе тут явно надоеет, и как встретишь нас на воле, мы тебя

пришьём. Выбирай короче, земля. Но нравишься ты мне, вроде нормальный крендель.

“Пойти на жертву ради группы, которую я впервые вижу, и рискнуть жизнью или быть затоптанным толпой чуть попозже?”, — подумал Дауди. Тело окончательно обмякло, и он скрестил ноги, переместив весь вес на правую. Спина устала, потому он подставил ладони под поясницу и запрокинул голову назад. *«Дело — дрянь... Но оставаться с ними — вариант не самый перспективный»*. Выдержав театральную паузу, согласился. Он засунул руку в карман, вытащил небольшой кулон и вручил его парню в очках, не говоря ни слова. Позвоночник пронзила резкая боль, что заставила парня согнуться. Он ухватился за лицо и опешил. Зубы. Перед попаданием в это место они выпали все до единого, а сейчас... Они на месте. Боль в спине тут же утихла.

— Эй, подруга, ты давно тут стоишь? Живая, чи не? Может ты стату́я?

Неприятный по всем возможным человеческим параметрам мужчина смотрел на меня сверху вниз. Это было отчасти уморительно, учитывая, что он был ниже меня на голову. Маслянистый взгляд остановился где-то на уровне моей шеи и резко скользнул на волосы. На улице было довольно прохладно, но он стоял в грязных шортах и растянутой серой майке.

Горделивый вид больного шизофренией. Именно так можно было бы охарактеризовать то хорохорство, то по-детски глуповатое, угловатое поведение, его попытки проявить всю свою маскулинность. Во взгляде застыл то ли вызов, то ли предвосхищение. Встреться мы не в момент, когда я даже моргать не могу от чувства нервного паралича, я бы так мастерски и витиевато ответила, но всё, что смогла сделать сейчас, это силой разжать челюсть и сквозь зубы сказать.

— Что?

Раздался хохот, такой, словно весь туманный город решил одновременно выплеснуть накопившиеся эмоции. Либо в этом месте ошеломительное эхо, либо, по ощущениям, за ним стоял легион, не иначе.

— С юморком! Люблю таких. Ты, видать, совсем зелёная.

Нас по первой тоже всех вот так колбасило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.